

вторяет: «Без святого бо духа ничто же человеку дается на земли, аще не будет дано ему свыше». ¹³ Однако это самоуничтожение кажущееся. Личность Поликарпа подавлена, но не уничтожена. Самоутверждение она находит если и не в практической церковной деятельности, то в писательском труде.

Поликарп подходит к своему труду вполне осознанно: «Но паче прежде реченнии черноризци ясно реку, а не в тайне, яко же и прежде: аще бо аз премолчу, от мене забвена будутъ, и к тому не помянутся имена их, яко же и было до сего дъни. Се же речеся в 15 лето твоего игуменства, еже не бысть помяновения 100 и 60 лет, ныне же, твоеа ради любве, утаенная слышана быша и память любящим бога присно чтома и хвалима: яко тому угодъшеи от него венчашася. Мне же таковыми краситися — велие есть, и сим мнюся покрыти студа моего дела». ¹⁴

В этой оценке общественной значимости своего писательского труда нет столь характерного для писателя средневековья самоуничтожения. Поликарп вполне осознает свое преимущество — знание предмета, о котором он пишет. Его труд понимается им как долг писателя перед потомками: «да и сущи по нас черноризци уведять благодать божию». ¹⁵

Знания, полученные им от Симона, позволяют ему чувствовать себя не простым регистратором происходивших до него за сто с лишком лет событий, но как бы творцом их: «еже токмо воспомяну слышанная — и творю, и мню, яко от мене изыскану быти чудотворию тех». ¹⁶

Последняя фраза — явление, совершенно необычное для «житийных» формулировок и трафаретов, в которых писатель всегда выступает не как творец, а как орудие, избранное богом совершенно произвольно, в ряде случаев из числа самых недостойных, «грубых разумом», «невежих» и т. п. Эта произвольность «божьего выбора» лишала писателей возможности открыто оценить свой талант, свое призвание, найти свое место в творчестве.

Этот отличный от литературного стереотипа той эпохи подход писателя к своей деятельности, на наш взгляд, является наиболее веским доказательством автобиографичности посланий Поликарпа Акиндину, что не исключает признания за ними «литературного характера», так как Поликарп адресует свой рассказ не игумену лично, а широкому читателю.

Когда-то, в рассказе о смиренном и многотерпеливом иноке Никоне, написанном для назидания Поликарпу, епископ Симон писал: «Многа же и паче сих слышал еси от мене грешнаго епископа Симона и худъшаго в епископех, недостойна суща тех святых черноризецъ подножию. Им же, мню, не весь мир достоин, ни тому же самому списателю, исписати могущу тех чудес». ¹⁷

Литературный труд Поликарпа был как бы ответом на это утверждение. Poleмика двух антагонистов продолжалась и после смерти одного из них. Тот самый Поликарп, которого епископ Симон снисходительно наставляет и смиряет примерами из жизни отшельников, сам берется за перо, чтобы их прославить.

В первом послании игумену Акиндину Поликарп откровенно говорит о том, что он сам принял решение взяться за перо, так как его устные пересказы игумену были сбивчивы и путаны: «Въспросил мя еси некогда, веля ми сказати от тех черноризецъ съдеанная, соведый мою грубость и

¹³ Там же, стр. 96

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 90.

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 81.